

С. Н. Булгаков

Л. Н. Толстой

Сергей Булгаков
Л. Н. Толстой

«Public Domain»

1912

Булгаков С. Н.

Л. Н. Толстой / С. Н. Булгаков — «Public Domain», 1912

«Когда в осеннее сумрачное утро вагон с останками Л. Н. Толстого тихо приблизился к станции, гроб приняли на руки яснополянские крестьяне и медленно понесли по родным холмам и долам к месту последнего упокоения. И казалось, что, вместе с ними, усталого путника, достигшего, наконец, своего ночлега, принимает в материнское лоно, своими объятиями мягко заслоняя зловеще чернеющую вдали яму, вся эта родная природа: и эта мерзлая, кочковатая земля, и задумчивые, кругом темнеющие, леса, и задумчивая матовая даль...»

© Булгаков С. Н., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

На смерть Толстого	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

С. Н. Булгаков Л. Н. Толстой

На смерть Толстого

1

Когда в осеннее сумрачное утро вагон с останками Л. Н. Толстого тихо приблизился к станции, гроб приняли на руки яснополянские крестьяне и медленно понесли по родным холмам и долам к месту последнего упокоения. И казалось, что, вместе с ними, усталого путника, достигшего, наконец, своего ночлега, принимает в материнское лоно, своими объятиями мягко заслоняя зловеще чернеющую вдали яму, вся эта родная природа: и эта мерзлая, кочковатая земля, и задумчивые, кругом темнеющие, леса, и задумчивая матовая даль. И было особенно острое, до жути ясное чувство, насколько могуча была в нем природная и народная стихия, насколько слитно жил он и с этими крестьянами, и с этими полями и лесами. Как будто в нем осознала себя душа этой природы, приоткрыла глаза от своей растительной дремы. В нем жила первобытная душа русской природы и русского народа, такая, какою она была и в отдаленную, дохристианскую эпоху, когда славяне «умыкиваху у воды жен», приносили жертвы Перуну, Велесу и Стрибогу, зажигали Ярилины костры. В эту новь пало, затем, семя христианства, но она все-таки сохранила изначальную свою природу, осталась подпочвой нашей истории. В Толстом словно обнажились её породы, и как будто в ней все говорило, встречая бескrestные похороны: он наш, а мы его...

Да, Лев Толстой – это сама наша первобытная стихия, с её раскрытыми и нераскрытыми задатками, со всем её хаосом и мощью. Она получает несравненное выражение в его художественном творчестве, но лишь потому, что жила в нем самом. И потому сам он производил совершенно особое впечатление: в нем было нечто глубинное, потустороннее, но это была потусторонность не божественного мира, а природной души, великого Пана... Можно ли выразить в слове наши чувства при утрате Толстого, когда едва ли не с молоком матери начали мы всасывать в себя те самые органические соки, проводником которых было и его творчество, когда оно близко и неотделимо от нас, как семья, как родина, как родная природа. Поэтому немного найдется русских людей, которые не имели бы в себе частицы Толстого, даже его не зная.

Однако в живой индивидуальности гения эти стихийные начала народной души соединились совершенно особым образом и в этой неповторяемости дали того Толстого, которого знает весь мир. Если бы он остался только художником, и тогда он принадлежал бы к величайшим писателям всех времен и народов. Но влияние его и слава опираются теперь прежде всего на религиозную его проповедь, которая находится в несомненном и явном антагонизме с его художественным творчеством. Подобно Гоголю и Достоевскому, Толстой всю свою писательскую деятельность подчинил интересам религии. И здесь обнаружилась в нем уже христианская стихия русской души, искание «единого на потребу», жажда вечности и Бога. В Толстом мы имеем пред собой колоссальной важности исторический факт, полный глубочайшего смысла: величайший гений эпохи, притом не только своего народа, но и всего человечества, все напряжение своих сил отдает исканию религиозного смысла жизни, приносит на алтарь религии. И эта борьба великого духа за религиозные ценности исполняет невольным трепетом сердца во всем мире, будит от религиозного сна отяжелевшие им души. Так клекот орлов

¹ В основу настоящего очерка легла расширенная и переработанная речь, произнесенная 16 ноября 1910 года в студенческом собрании и напечатанная в *Русской Мысли*, 1910, XI.

в синеве небес, так крики проносящихся высоко над нами птиц пробуждают в душе тоскующее, беспокойное чувство, зовут с собою в высь, о чем-то напоминают. Толстой стоит пред миром, как живой символ религиозных исканий, как свидетель религии, в нашу эпоху небывалого торжества механического мировоззрения, апофеоза внешней «культуры», поклонения вещам и идолам. В борьбе с этими враждебными силами он бросает на чашку весов всю колоссальную тяжесть своего гения, и то, что у другого, быть может, было бы принято за юродство и темноту, или встретило бы только пренебрежение, в его устах получало огромное значение, заставляло прислушиваться к себе. С религиозным радикализмом, для которого не существует идолов и авторитетов, Толстой ставит вопрос о *ценности культуры* пред лицом религии, или о *религиозном смысле культуры*. Это тот же самый вопрос, над которым надорвался Гоголь, которым всецело захвачены были Достоевский и Вл. Соловьев, который мучает и наше поколение. Нас давит чудовищный автоматизм новейшей культуры, мы стали её рабами, униженно целующими свои цепи. Нас кругом обступило множество условных ценностей, которые получили значение безусловных. Наука, искусство, право, хозяйство, политика, техника, прогресс – вот те самодовлеющие ценности, по которым выверяется теперь курс жизни. Вся их условность и относительность познается лишь в исключительные минуты жизни, – тогда, когда в ней проносится дыхание вечности, или приближается ледяная рука смерти. Относительно этих ценностей мы не даем воли скептической трезвости и пытующему сомнению, которое так превозносим в других случаях; быть может, мы руководимся при этом ничем иным, как инстинктивным страхом, что прорвавшееся пламя испепелит ветхую храмину и оставит нас оголенными от всего условного и фальшивого. Но в эту чашу бесстрашно врезался русский богатырь. Над всей современной культурой он ставит гигантский вопросительный знак, он спрашивает там, где это казалось невозможным или неуместным, и уже одним этим вопрошанием обнаруживает условность этих ценностей. В этой постановке вопроса о религиозном оправдании культуры имеется нечто непререкаемое для религиозного сознания, и в ней одной, независимо от содержания ответа, уже заключается положительное религиозное деяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.